

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПУТАЦИИ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ:
НАЦИОНАЛЬНЫЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ**

РОЗАНОВА Нина Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры менеджмента, Смоленский государственный университет, адрес: 214000, Россия, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4, e-mail: rozznina@yandex.ru

Аннотация. Целью исследования при представлении его результатов в рамках данной публикации является определение особенностей содержания репутации российской власти в регионах Российской Федерации с учетом национального и религиозного факторов ее формирования.

Объект исследования – российское политическое пространство по оси взаимодействия «власть – общество». Предмет – репутация масштабных институциональных субъектов – российской власти в целом (государственная и муниципальная власть РФ – публичная власть) и различных уровней и ветвей власти (на примере репутации государственной исполнительной власти субъекта РФ).

Представлены результаты социологического исследования по изучению мнения населения десяти регионов. Национальный и религиозный факторы формирования репутации интерпретированы исходя из степени преобладания одно- или многонационального состава региона и одной из двух наиболее распространенных в России исповедуемых религий: православия или ислама.

Определено принципиальное единство в «наполнении» содержания репутации российской власти при наличии региональных особенностей в части расстановки несколько иных приоритетов при выборе репутационных характеристик; прямой зависимости от исследуемых факторов не выявлено.

Финансирование: публикация подготовлена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках государственного задания «Репутация российской власти: исторический контекст и политическая реальность»; FEMF-2023-0006, рег. № 1023090800006-1-5.4.1;5.6.2;2.2.3.

Ключевые слова: репутация российской власти, публичная власть, региональная исполнительная власть, содержание репутации, репутационные характеристики, факторы формирования репутации, национальный и религиозный факторы.

Цит.: Розанова Н.Н. Региональные особенности репутации российской власти: национальный и религиозный факторы формирования // Среднерусский вестник общественных наук. – 2023. – Том 18. – № 6. – С. 121–141.

© Розанова Н.Н., 2023 г.

**REGIONAL PECULIARITIES OF THE REPUTATION OF RUSSIAN POWER:
NATIONAL AND RELIGIOUS FACTORS OF FORMATION**

ROZANOVA N.N., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Management, Smolensk State University (Russian Federation, Smolensk), *e-mail*: rozznina@yandex.ru

Abstract. *The purpose of the research in presenting its results within the framework of this article is to determine the peculiarities of the content of the reputation of the Russian power in the regions of the Russian Federation, taking into account the national and religious factors of its formation.*

The object of the study is the Russian political space on the axis of interaction "power – society". Subject – the reputation of large-scale institutional subjects - Russian power in general (state and municipal power of the Russian Federation - public power) and various levels and branches of power (by the example of the reputation of the state executive power of the subject of the Russian Federation).

The results of a sociological study of the population opinion of 10 regions are presented. National and religious factors of reputation formation are interpreted based on the degree of predominance of single- or multi-ethnic composition of the region and one of the two most widespread religions practiced in Russia: Orthodoxy or Islam.

The fundamental unity in the "filling" of the content of the reputation of the Russian power in the presence of regional peculiarities in the part of setting slightly different priorities in the choice of reputational characteristics is determined; no direct dependence on the studied factors is revealed.

The article is prepared with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the framework of the state assignment "Reputation of Russian power: historical context and political reality"; FEMF-2023-0006, reg. № 1023090800006-1-5.4.1;5.6.2;2.2.3.

Keywords: *reputation of the Russian authorities, public authority, regional executive power, reputation content, reputation characteristics, factors of reputation formation, national and religious factors.*

For citations: *Rozanova, N.N. (2023) Regional peculiarities of the reputation of russian power: national and religious factors of formation // Central Russian Journal of Social Sciences. –Volume 18, Issue 6. – P.121-141.*

ВВЕДЕНИЕ

Конституционная новелла, закрепляющая единую систему публичной власти в России, определяет перспективы новых исследовательских горизонтов, сопряженных с поиском дополнительных ресурсов повышения эффективности ее функционирования.

Исключение общественной власти из системы публичной власти, по мнению специалистов по конституционному праву, подрывает саму суть публичной власти, строящейся на началах народовластия, принадлежности власти народу [8, С. 21]. В данной связи изучение репутации российской власти как единого института представляет интерес, поскольку связано с потенциалом отражения общественной власти в системе публичной власти. Сквозь призму общественного мнения репутация помогает определить, насколько власть отражает ценности, ожидания граждан, выступает своего рода показателем ее социальной эффективности.

В качестве родового понятия по отношению к репутации, внутренне присущего ему признака, «наполняющего» социальный, нравственно-этический смысл репутации, выступает доверие. В современных условиях российского общества именно доверие (а не принуждение) становится определяющим условием эффективности власти, ее способности консолидировать общество в решении проблем его развития [7, С. 74]. Проблема сплочения общества в новых геополитических реалиях становится предметом широкого научного и общественного обсуждения [см., напр., 2].

Таким образом, актуальность изучения репутации масштабных политических субъектов детерминирована как современными процессами развития единого института публичной власти, так и социальной ценностью категории репутации, определяющей поддержку и доверие народа к власти, от которых зависит эффективность и стабильность политической системы.

Теоретико-методологическая основа исследования

Целью исследования (при представлении его результатов в рамках данной публикации) является определение особенностей содержания репутации российской власти в регионах Российской Федерации с учетом национального и религиозного факторов ее формирования.

Объект исследования – российское политическое пространство по оси взаимодействия «власть – общество». Предмет исследования – репутация масштабных институциональных субъектов – российской власти в целом (государственная и муниципальная власть РФ – публичная власть, далее – репутация публичной власти) и различных

уровней и ветвей власти (на примере репутации государственной исполнительной власти субъекта РФ, далее – региональной исполнительной власти).

Категория репутации субъектов политического пространства становится предметом исследования отечественных ученых (Ачкасова В. А., Корнеева К. В., Галлямов Р. Р., Гришин О. Е., Мингазова З. Р., Елисеев А. Л., Коган Е. В., Рудакова А. Э., Устинова Н. В., Харламов И. Г. и др.). Современный международный опыт основан на рассмотрении государственного сектора в целом (включая органы власти) в качестве объекта репутационных исследований (Bustos E. O., Busuioc M., Carpenter D. P., Krause G. A., Luoma-aho V., Lee D., Maor M., Van Ryzin G. G. и др.). Ключевым становится понятие «бюрократическая репутация» (bureaucratic reputation) [10]. В то же время отсутствуют работы по изучению репутации сложных комплексных субъектов, таких как российская власть в целом / федеральная / региональная / муниципальная власть (в том числе с учетом ветвей власти, например, региональная исполнительная власть).

Неоинституциональный подход как методологическая парадигма, универсальный интегратор разных дисциплин социального знания [11] является ключевым при изучении репутации российской власти. Положения социологического неоинституционализма [15; 5] делают акцент на изучении ценностного пространства деятельности акторов, позволяют обнаружить и раскрыть позитивный для сообществ потенциал «спрятанных институтов» [1, С. 100]. Категория «репутация», постепенно приобретающая в российской практике институциональную форму, в политическом пространстве способствует созданию ценностной основы российской власти, благодаря высокому уровню доверия, поддержки деятельности власти на основе сильной социальной легитимности [9]. Основные методы исследования – комплексный концептуальный анализ, экспертный и массовый анкетный опросы населения изучаемых регионов.

В основе изучения репутации российской власти – теоретическая модель единого концепта «репутация власти»¹, разработанная и эмпирически апробированная на примере шести регионов Центрального федерального округа Российской Федерации (далее – ЦФО РФ) в рамках проведения исследования в 2021 году². Регионы ЦФО были выде-

¹ Под единым концептом «репутация власти» понимается как репутация российской публичной власти в целом, так и репутация ее различных уровней и ветвей на примере репутации региональной исполнительной власти.

² Грант РФФИ и АНО ЭИСИ «Концепт "репутация власти": сущность, содержание, закономерности функционирования в репутационном пространстве» (проект № 21-011-31720 опн).

лены в две разноуровневые группы по уровню и динамике социально-экономического развития. Было выявлено отсутствие существенного влияния социально-экономического фактора на формирование репутации в разных регионах, что и определило задачи дальнейшего изучения иных факторов. В 2022 году в качестве таковых были определены национальный, религиозный факторы и фактор дихотомии «столица – провинция»¹.

В рамках настоящего исследования происходит переосмысление полученных результатов и ставятся перспективные задачи по более детальному исследованию влияния комплекса факторов на показатели репутации власти с помощью методов математической статистики и интеллектуального анализа данных, что позволит прогнозировать изменение репутации власти при изменении значений существенных факторов и даст возможность принимать решения, основанные на объективных данных.

Изучение концептуального поля репутации власти строилось на основе семантико-когнитивного подхода, в соответствии с которым было определено информационное, интерпретационное, образное поле [6]².

Поле концепта определено как двуядерное. Структура базового ядра включает дефиницию имени концепта (категориальная основа ядра) и признаки, отражающие его сущность (околоядерная зона). Содержательные характеристики репутации образуют являющееся периферией базового содержательное ядро. Оно формируется относительно устойчивыми приоритетными характеристиками, разделяемыми большинством, составляя ближнюю периферию базового ядра, динамичными и менее значимыми характеристиками дальней периферии и еще более подвижными и менее важными – крайней.

Эмпирическая основа исследования

В рамках исследования, проведенного в 2021 г., благодаря экспертной оценке³ [3; 4; 12; 14] выявлено 20 содержательных характеристик репутации российской власти, которые затем были сгруппированы в два принципиальных блока (табл. 1). Для проведения массового опроса населения к 20 характеристикам, определенным экспертами, была добавлена 21-я – внешний образ власти – исходя из европейской практики выделения эмоционального измерения репутации [13].

¹ Государственное задание Министерства науки и высшего образования РФ «Репутационное ядро российской власти: региональные особенности и факторы формирования» (проект FEMF-2022-0002).

² В рамках настоящей статьи представлено информационное поле, которое содержит основные, наиболее важные признаки и черты концептуализируемого явления.

³ 15 экспертов – исследователи ведущих университетов и практикующие политологи.

Таблица 1 – Содержание информационного поля репутации российской власти, экспертное мнение

Table 1 – Content of the information field of the reputation of the Russian power, expert opinion

Институциональный блок характеристик	Деятельностный блок характеристик
Смысловое наполнение блока	
качественные характеристики власти, исходящие из ее предназначения	функциональные характеристики, отражают содержание и основные направления деятельности власти
Интегрирующая характеристика блока	
служение народу, нравственные ценности / ориентиры власти	результативность / эффективность
Содержательное наполнение блока	
<ul style="list-style-type: none"> • честность • ответственность • справедливость • забота о народе, его защита • легитимность власти, законность действий • открытость, прозрачность • выполнение обещаний (соответствие слова и дела) • близость к народу (понимание его нужд и чаяний, отзывчивость) • сила власти • коммуникация, взаимодействие с населением • неподкупность власти (отсутствие коррупции) • ориентация власти на развитие 	<ul style="list-style-type: none"> • профессионализм, компетентность • создание условий для достойной жизни (доходы населения / рабочие места / инфраструктура / демография / здравоохранение / образование / дороги / комфортная среда и т.п.) • качество оказываемых населению услуг • эффективность управления ресурсами, расходования бюджетных средств • оперативность принятия решений • готовность власти к решению кризисных ситуаций

Национальный и религиозный факторы формирования репутации в рамках исследования интерпретированы исходя из степени преобладания одно- или многонационального состава региона и одной из двух наиболее распространенных в России исповедуемых религий: православия или ислама.

Соответственно, были выделены следующие регионы:

– мононациональные (титульная нация – русские) / преобладающая религия – православие: шесть регионов Центрального федерального округа (ЦФО) – Белгородская, Брянская, Калужская, Липецкая, Орловская, Смоленская области;

– мононациональный (титульная нация – чеченцы) / преобладающая религия – ислам: Республика Чечня;

– многонациональный / преобладающая религия – ислам: Республика Дагестан;

– многонациональный / преобладающая религия – православие: Республика Коми;

– относительная сбалансированность признаков: две преобладающие нации (русские и татары), две преобладающие религии (православие и ислам): Республика Татарстан.

Мнение населения шести регионов ЦФО изучалось в октябре – ноябре 2021 г. В сентябре – декабре 2022 г. был проведен массовый опрос еще в пяти регионах РФ: г. Москве¹, Республике Дагестан, Республике Коми, Республике Татарстан, Чеченской Республике². Была использована единая методика. Вопрос респондентам звучал следующим образом: «Выберите 5–7 наиболее значимых для Вас характеристик, которые создают репутацию российской власти в целом / региональной исполнительной власти».

Соответственно, по результатам исследования выявляются приоритетные содержательные характеристики (ближняя периферия базового ядра), разделяемые большинством (наиболее значимые для половины³ и более опрошенных), характеристики дальней (их выбрала четверть и более опрошенных) и крайней (менее четверти выбора респондентов) периферии.

Результаты исследования

1. Степень уникальности информационного поля репутации российской публичной власти

Представим результаты исследования по выявлению единого и особенного в содержании информационного поля репутации российской публичной власти в регионах, выделенных по национально-религиозному признаку. Результаты выбора респондентов по наиболее значимым характеристикам представлены в таблицах 2 (а) и (б)⁴.

1. Приоритетные характеристики

В Чечне и Татарстане (с несколько разной степенью значимости) это честность и справедливость, ответственность и забота о народе, его защита. В Дагестане среди приоритетов также близость к народу. Яркие

¹ Мнение респондентов г. Москвы не рассматривается, поскольку фактор дихотомии «столица – провинция» в рамках данной публикации не рассматривается.

² Использована квотная выборка, отбор производился по следующим параметрам: пол, возраст, место проживания; по 1500 респондентов в каждом из массовых опросов, 2021–2022 гг. Формирование выборки осуществлялось на основе данных Росстата по численности населения на 1 января 2021 и 2022 года соответственно. Ошибка выборки составила 2,53 %, что соответствует требованию репрезентативности полученных данных.

³ Далее отнесение характеристик к ближней / дальней / крайней периферии представлено с учетом погрешности.

⁴ В скобках указано место семи первых характеристик, исходя из заданного ограничения: респондентам предлагалось выбрать из предложенного списка 5–7 наиболее значимых характеристик, которые создают репутацию российской власти. Цветом выделены характеристики, входящие в топ-3.

особенности наблюдаем в Республике Коми, где самыми важными характеристиками являются ориентация власти на развитие страны и создание условий для достойной жизни, неподкупность власти, профессионализм.

Таблица 2 (а) – Содержание информационного поля репутации российской публичной власти в регионах РФ, выделенных по национально-религиозному признаку, в %

Table 2 (a) – The content of the information field of the reputation of the Russian public power in the regions of the Russian Federation allocated on the basis of national-religious characteristic , in %

Репутационные характеристики российской власти	Чеченская Республика однациональная – ислам	Республика Дагестан многонациональная – ислам	Республика Татарстан баланс национального и религиозного состава	Республика Коми Многонациональная – православие
Честность	67,6 (1)	60,0 (3)	49,6 (3)	28,0
Справедливость	61,6 (2)	67,2 (1)	48,4 (4)	26,0
Ответственность	55,2 (3)	58,4 (4)	52,0 (2)	30,4 (7)
Забота о народе, его защита	50,0 (4)	62,4 (2)	56,8 (1)	42,8 (5)
Сила власти	40,0 (5-6)	38,8 (6)	28,8	19,6
Близость к народу, понимание нужд и чаяний народа, отзывчивость	40,0 (5-6)	51,2 (5)	38,0 (5)	23,2
Коммуникация, взаимодействие с населением	30,8 (7)	29,2	23,2	19,6
Профессионализм, компетентность	28,4	28,0	29,6	46,8 (4)
Неподкупность власти (отсутствие коррупции)	28,0	29,6	31,2	49,2 (3)
Выполнение обещаний – соответствие слова и дела	26,4	33,2 (7)	36,4 (6)	37,6 (6)
Создание условий для достойной жизни	18,0	25,6	31,2	54,4 (2)
Ориентация власти на развитие страны	10,0	12,4	17,2	58,4 (1)

В число наиболее важных для формирования репутации российской власти более половины респондентов из Брянской и Смоленской областей включают честность, ответственность, заботу о народе и справедливость. В Белгородской области, помимо четырех перечисленных, это также открытость, в Орловской – выполнение обещаний,

в Калужской – выполнение обещаний и близость к народу, в Липецкой – также близость к народу. Особенностью Липецкой области является «размытость» приоритетных характеристик, к таковым можно (и то с учетом погрешности) отнести только ответственность.

Таблица 2 (б) – Содержание информационного поля репутации российской публичной власти в регионах РФ, выделенных по национально-религиозному признаку, в %

Table 2 (b) – The content of the information field of the reputation of the Russian public power in the regions of the Russian Federation allocated on the basis of national-religious characteristic, in %

Репутационные характеристики российской власти	Регионы Центрального федерального округа мононациональные – православие					
	Белгородская область	Калужская область	Липецкая область	Брянская область	Орловская область	Смоленская область
Честность	71,2 (1)	56,3 (2)	45,1 (4)	57,5 (1)	54,8 (2)	59,2 (1)
Справедливость	61,0 (2)	55,0 (4)	46,4 (3)	50,5 (4)	52,4 (3)	47,9 (4)
Ответственность	54,5 (4)	55,4 (3)	47,9 (1)	52,4 (2)	47,6 (4)	53,1 (2)
Забота о народе, его защита	56,2 (3)	63,6 (1)	44,1 (5)	50,9 (3)	61,3 (1)	48,8 (3)
Сила власти	35,0 (7)	17,7	37,5 (6)	28,6	22,6	32,4
Близость к народу, понимание нужд и чаяний народа, отзывчивость	40,7 (6)	48,9 (6)	46,7 (2)	35,2 (6)	37,5 (6)	39,9 (5)
Профессионализм, компетентность	24,3	35,1	25,7	28,6	31,5 (7)	30,8
Неподкупность власти (отсутствие коррупции)	29,7	42,4 (7)	29,1	27,1	29,2	34,1
Выполнение обещаний – соответствие слова и дела	34,2	49,4 (5)	37,2 (7)	39,6 (5)	47,0 (5)	36,2 (6)
Открытость, прозрачность	51,4 (5)	31,6	27,6	30,4 (7)	26,8	34,7 (7)

Таким образом, выявлено преобладание единых репутационных характеристик, являющихся приоритетными в большей части исследуемых регионов:

– явное лидерство имеет честность власти, занимая в шести из десяти регионов 1-е и 2-е места, в трех регионах – 3-е и 4-е места. Наиболее ярко выражена данная характеристика в Белгородской области, наименее – в Липецкой. Исключением является мнение жителей Республики Коми, которое отличается принципиальной спецификой выделяемых приоритетов и в целом уникальностью «наполнения» содержания репутации. Честность здесь отнесена к характеристикам дальней периферии (28 %);

– иные приоритеты: забота о народе и его защита; ответственность (в четырех регионах данные характеристики занимают 1-е и 2-е места, в остальных входят в семерку лидирующих) и справедливость (в трех регионах занимает 1-е и 2-е места, в шести – 3-е и 4-е места).

2. Характеристики дальней периферии

Лидирующие характеристики дальней периферии с некоторой разницей в приоритетах – в Чечне, Дагестане и Татарстане: близость к народу, сила власти, коммуникация с населением, профессионализм, неподкупность власти, выполнение обещаний, открытость. Служение народу, оперативность принятия решений актуальны для Чечни, создание условий для достойной жизни – для Татарстана и Дагестана, население которого также выделило эффективность управления ресурсами.

Характеристики дальней периферии в Коми: забота о народе (42,8 %), выполнение обещаний (37,6 %) и ответственность (30,4 %), честность (28,0 %), результативность деятельности и эффективность управления ресурсами (по 27,2 %), справедливость (26,0 %), качество оказываемых услуг населению (25,6 %), служение народу (24,4 %), близость к народу (23,2 %), готовность власти к решению кризисных ситуаций (23,2 %).

Характеристики дальней периферии в Белгородской области: близость к народу, сила власти, выполнение обещаний, коммуникация с населением, профессионализм, неподкупность власти, создание условий для достойной жизни. В Брянской области это также открытость. В Калужской области в дальнюю периферию по сравнению с вышперечисленными характеристиками не вошли близость к народу и выполнение обещаний (отнесены к ближней периферии), сила власти (крайняя периферия).

В Липецкой области, наоборот, самая значимая характеристика дальней периферии – сила власти; также выполнение обещаний, коммуникация с населением, служение народу, открытость, неподкупность власти, профессионализм. В Орловской и Смоленской областях – близость к народу, профессионализм, неподкупность власти, открытость, служение народу, коммуникация с населением. В Смоленской области – это также выполнение обещаний, сила власти и создание условий для достойной жизни.

Среди характеристик дальней периферии единство наблюдается по следующим из них:

- близость к народу, вошедшая в семерку характеристик, лидирующих (в силу заданных ограничений выбора для респондентов) во всех регионах – от 35,2 % в Брянской области до 48,9 % в Калужской области и 51,2 % в Дагестане, где она отнесена к приоритетным. Исключение – Коми (23,2 %);

- выполнение обещаний/соответствие слова и дела – в 8 из 10 субъектов вошла в семерку (от 26,4 % в Чечне до 49,4 % в Калужской области, где ее следует отнести к приоритетным характеристикам);

- сила власти – в 4 из 10 субъектов вошла в семерку – от 22,6 % в Орловской области до 40 % в Чечне. Исключение составили два субъекта: Калужская область (17,7 %) и Коми (19,6 %), где данная характеристика отнесена к менее значимым;

- неподкупность/отсутствие коррупции – от 27,1 % в Брянской области до 49,2 % в Коми – приоритетная характеристика;

- профессионализм/компетентность – от 24,3 % в Белгородской области до 46,8 % в Коми – приоритетная характеристика;

- коммуникация/взаимодействие с населением – от 24,4 % в Орловской области до 33,3 % в Калужской. Исключение – Коми (19,6 % – крайняя периферия);

- открытость/прозрачность – от 25,6 % в Чечне до 51,4 % в Белгородской области – приоритетная характеристика. Исключение – Коми (20,4 % – крайняя периферия);

- создание условий для достойной жизни – характеристика, единая в части отнесения ее к дальней периферии для шести регионов (Дагестан, Татарстан, Белгородская, Калужская, Брянская и Смоленская области), к крайней периферии для трех регионов (Чечня, Липецкая и Орловская области) и лидирующая в Коми (54,4 %, ближняя периферия);

- служение народу, нравственные ценности/ориентиры власти –

характеристики, которые можно отнести к своего рода «пограничным» между дальней и крайней перифериями, поскольку в половине регионов она имеет процент ответов от 23,8 до 28,7; в другой половине – менее четверти.

Данные характеристики отличаются большей динамичностью по сравнению с приоритетными характеристиками.

3. Характеристики крайней периферии

Единые для всех регионов характеристики:

- оперативность принятия решений; легитимность власти, законность действий;
- ориентация власти на развитие страны (для Коми – самая значимая характеристика);
- результативность деятельности, качество оказываемых услуг, эффективность управления ресурсами, готовность власти к решению кризисных ситуаций (кроме Коми, где данные характеристики отнесены к дальней периферии).

Абсолютное единство во мнении населения в части самой незначимой для формирования репутации российской власти характеристики наблюдается во всех регионах – это внешний образ власти (от 0,5 % в Смоленской области до 7,6 % в Дагестане).

Данные характеристики наиболее подвижны.

II. Степень уникальности информационного поля репутации региональной исполнительной власти и единства с репутацией публичной власти

Представим результаты исследования по выявлению степени уникальности (единое/особенное) информационного ядра репутации региональной исполнительной власти. Результаты выбора респондентов по семи наиболее значимым характеристикам представлены в таблицах 3 (а) и (б).

В Чечне и Дагестане в число приоритетных вошли те же характеристики, что и в случае с репутацией публичной власти, для Дагестана также наиболее значимой оказалась близость к народу. В Татарстане три характеристики отнесены к ближней периферии: забота о народе, ответственность, близость к народу.

В Коми, как и в случае с российской публичной властью, своя специфика: ориентация на развитие региона и создание условий для достойной жизни; важное значение имеют качество оказываемых населению услуг, профессионализм, забота о народе, его защита.

Таблица 3 (а) – Содержание информационного поля репутации региональной исполнительной власти в регионах РФ, выделенных по национально-религиозному признаку, в %

Table 3 (a) – The content of the information field of the reputation of the regional executive power in the regions of the Russian Federation allocated on the basis of national-religious characteristic, in %

Репутационные характеристики региональной исполнительной власти	Чеченская Республика одно-национальная – ислам	Республика Дагестан многонациональная – ислам	Республика Татарстан баланс национального и религиозного состава	Республика Коми многонациональная – православие
Честность	72,4 (1)	52,0 (3)	44,4 (4)	22,8
Ответственность	61,6 (2)	57,2 (1-2)	47,2 (2)	26,4
Справедливость	59,2 (3)	57,2 (1-2)	42,8 (5)	15,2
Забота о народе, его защита	49,6 (4)	50,0 (5)	50,0 (1)	46,4 (5)
Сила власти	40,8 (5)	39,2 (6)	25,2	9,6
Близость к народу, понимание нужд и чаяний народа, отзывчивость	35,2 (6)	51,2 (4)	46,8 (3)	28,4 (7)
Коммуникация, взаимодействие с населением	31,6 (7)	35,2 (7)	33,6	23,6
Открытость, прозрачность	27,2	31,6	34,4 (7)	21,2
Выполнение обещаний – соответствие слова и дела	24	31,2	30,8	32,0 (6)
Профессионализм, компетентность	22,0	27,6	27,6	46,8 (4)
Качество оказываемых населению услуг	14,8	17,6	23,2	47,6 (3)
Создание условий для достойной жизни	14,4	24,0	34,8 (6)	66,8 (2)
Ориентация власти на развитие страны	9,6	15,2	19,2	68,8 (1)

Во всех регионах ЦФО РФ к приоритетной характеристике репутации региональной исполнительной власти отнесены ответственность и честность (кроме Липецкой области); забота о народе, его защита – в Белгородской, Брянской, Калужской, Орловской областях; близость к народу – в Белгородской, Калужской, Липецкой, Орловской. В то же время ряд характеристик отнесены к приоритетным с

известной долей условности, поскольку они, даже с учетом погрешности, несколько не «дотягивают» до выбора половиной респондентов.

Таблица 3 (б) – Содержание информационного поля репутации региональной исполнительной власти в регионах РФ, выделенных по национально-религиозному признаку, в %

Table 3 (b) – The content of the information field of the reputation of the regional executive power in the regions of the Russian Federation allocated on the basis of national-religious characteristic, in %

Репутационные характеристики региональной исполнительной власти	Регионы Центрального федерального округа мононациональные – православие					
	Белгородская область	Калужская область	Липецкая область	Брянская область	Орловская область	Смоленская область
Честность	58,2 (1)	47,2 (4)	39,1 (5)	51,3 (1)	48,8 (3)	50,2 (1)
Ответственность	54,0 (2-3)	50,7 (2)	45,6 (2)	46,5 (3)	50,6 (2)	46,0 (2)
Справедливость	54,0 (2-3)	44,6 (6)	44,4 (3-4)	49,1 (2)	45,2 (5)	43,2 (4)
Забота о народе, его защита	49,4 (4)	47,6 (3)	44,4 (3-4)	45,8 (4)	56,0 (1)	45,1 (3)
Сила власти	33,6 (7)	13,4	34,5 (7)	29,7	18,5	28,6
Близость к народу, понимание нужд и чаяний народа, отзывчивость	42,7 (5)	51,1 (1)	46,0 (1)	38,5 (5)	48,2 (4)	35,2 (7)
Коммуникация, взаимодействие с населением	34,7 (6)	42,9 (7)	37,2 (6)	28,9	31,5 (7)	36,2 (6)
Открытость, прозрачность	28,2	25,1	30,7	32,6 (7)	25,0	32,4
Выполнение обещаний – соответствие слова и дела	33,1	45,0 (5)	31,8	37,0 (6)	35,7 (6)	40,8 (5)

В исследуемых регионах выявлено принципиальное преобладание единых репутационных характеристик региональной исполнительной власти, за исключением, как и в случае с репутацией российской власти, Республики Коми. Большая степень единства информационного поля репутации определяется и при распределении характеристик в части выделения ближней/дальней/крайней периферии.

При этом существуют и особенности восприятия репутации власти регионального уровня:

- в основном распределение репутационных характеристик в содержании информационного репутационного ядра на данном уровне власти более равномерно. Во всех регионах (за исключением Чечни) это проявляется в понижении роли и устойчивости приоритетных характеристик при некотором изменении значимости и подвижности характеристик дальней и крайней периферии. Среди последних наблюдается в большей части случаев небольшая разнонаправленная динамика: роль некоторых характеристик повышается, некоторых – снижается, что в отдельных случаях приводит к переходу из дальней периферии в крайнюю и наоборот;

- специфика выбора характеристик на уровне региональной исполнительной власти становится более выраженной в разных субъектах РФ. Как и в случае с репутацией российской власти, влияние национально-религиозного фактора на формирование содержания репутации напрямую не проявляется; сохраняется большая схожесть в ответах в регионах с преобладающей (Чечня, Дагестан) или значимой (Татарстан) ролью ислама и православных регионах (ЦФО). Исключением по-прежнему остается Республика Коми, где содержание репутационного ядра региональной исполнительной власти, как и российской, является уникальным по сравнению с другими исследуемыми субъектами РФ;

- принципиальные изменения, иллюстрирующие динамику в роли тех или иных характеристик, отражают более высокую (по сравнению с российской публичной властью в целом) близость региональной исполнительной власти в ее восприятии населением. Так, в Татарстане, Калужской, Липецкой, Орловской областях, собственно, эта характеристика перешла из дальней периферии в ближнюю и вошла в число приоритетных. Во всех субъектах повысилась роль характеристики «коммуникация, взаимодействие с населением».

В Чечне и Дагестане приоритетные характеристики сохраняют свою высокую значимость, «наполнение» дальней и крайней периферии не поменялось по сравнению с региональной исполнительной властью, однако несколько по-иному расставлены акценты.

В Чечне ярче (в части большего единства во мнении жителей) проявились приоритетные характеристики. Так, честность выбрало 72,4 % по сравнению с 61,6 % при ее отнесении к репутации российской власти; ответственность – 61,6 % вместо 55,2 %. Не изменились, но в ряде случаев уменьшили свою значимость характеристики дальней периферии (например, профессионализм, компетентность – 22 % вместо 28,4 %).

Во всех других регионах, наоборот, произошло понижение степени значимости многих приоритетных характеристик. Так, в Дагестане роль справедливости в содержании репутации региональной исполнительной власти по сравнению с российской уменьшилась на 10 %, заботы о народе – на 12,4 %, честности – на 8 %. Среди характеристик дальней периферии повысилась роль коммуникации (на 6 %), служения народу (на 5 % – данная характеристика перешла из крайней в дальнюю периферию).

В Республике Татарстан также произошло незначительное снижение значимости приоритетных характеристик: забота о народе – на 6,8 %, ответственность – на 4,8 %. При этом в силу такого снижения две характеристики – честность (уменьшилась на 5,2 %) и справедливость (на 5,6 %) – перешли в дальнюю периферию. При этом, наоборот, близость к народу стала приоритетной (ее роль повысилась на 8,8 %). Среди характеристик дальней периферии несколько снизилась (например, выполнение обещаний, сила власти) или наоборот повысилась роль ряда из них (создание условий для достойной жизни, служение народу). Существенно – на 10,4 % – возросла роль коммуникации, взаимодействия с населением.

Для большинства субъектов ЦФО характерно повышение внимания к такой характеристике, как близость к народу. В Калужской, Орловской, Липецкой областях ее можно включить в число приоритетных.

Среди наиболее существенных изменений – рост значимости эффективности управления ресурсами, расходования бюджетных средств (что определило переход данной характеристики из крайней в дальнюю периферию), коммуникации с населением (для калужан особенно), качества оказываемых населению услуг, ориентации власти на развитие региона, оперативности принятия решений и результативности деятельности; снижение роли таких характеристик, как выполнение обещаний и неподкупность власти.

В Республике Коми по-прежнему сохраняется уникальность содержания репутационного ядра и для региональной исполнительной

власти. Приоритетом осталась ориентация власти на развитие, только для уровня развития региона оно приобрело, по мнению жителей, еще большее значение (увеличение на 10,4 %). Также произошло повышение роли характеристики «создание условий для достойной жизни» (на 12,4 %). Роль неподкупности власти, наоборот, уменьшилась, и данная характеристика «ушла» из приоритетов. Среди характеристик дальней периферии почти в два (!) раза увеличилась значимость качества предоставляемых населению услуг (рост с 25,6 % до 47,5 %), соответственно, данная характеристика перешла в приоритетную. Это наиболее существенное изменение среди всех характеристик всех исследуемых регионов. Роль заботы о народе также незначительно повысилась, но при этом перешла из характеристик дальней периферии в приоритетные. В целом среди характеристик дальней и крайней периферии также наблюдается довольно небольшая разнонаправленная динамика, но при этом определившая переход честности и коммуникаций, взаимодействия с населением из крайней периферии в дальнюю. Наибольшее в процентном отношении изменение среди характеристик крайней периферии – уменьшение роли силы власти (на 10 %).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, сделаем основные выводы.

Репутация российской публичной власти. Определено, что в большинстве исследуемых регионов преобладают единые репутационные характеристики, являющиеся ближней периферией базового ядра репутации и стержнем информационного поля репутации. Приоритетные репутационные характеристики – честность власти, забота о народе и его защита, ответственность, справедливость. Дальняя и крайняя периферия также содержит преимущественно одни и те же характеристики. При этом в каждом регионе наблюдаются определенные особенности в части расстановки несколько иных приоритетов при выборе характеристик, где-то данная акцентуация проявляется особенно ярко; репутационное ядро более или менее «размыто» в силу степени консолидации общественного мнения. Единственным регионом, стоящим особняком, является Республика Коми, где содержание репутации российской власти имеет ярко выраженный уникальный характер. Здесь значимы характеристики, которые для других регионов важны в гораздо меньшей степени. Так, приоритетами в Коми стали: ориентация власти на развитие страны, создание условий для достойной жизни, неподкупность.

Репутация региональной исполнительной власти. В исследуемых

регионах выявлено принципиальное преобладание единых репутационных характеристик, исключением, как и в случае с репутацией российской власти, является Республика Коми. Сохраняется высокая значимость характеристик, выбранных в качестве приоритетных на уровне российской публичной власти. Содержание репутации представлено более равномерно, при этом происходит определенное уменьшение роли и устойчивости приоритетных характеристик (во всех регионах, за исключением Чечни) при разнонаправленном изменении степени значимости и характеристик дальней и крайней периферии. Усиливается проявление особенностей выбора в каждом конкретном регионе. Принципиальные изменения в содержании репутации региональной исполнительной власти отражают ее закономерное восприятие населением как более близкой по сравнению с публичной властью в целом.

Таким образом, можно говорить о преобладании единства в «наполнении» информационного поля репутации публичной власти и региональной исполнительной власти в исследуемых субъектах РФ, за исключением Республики Коми. Влияние национального и религиозного факторов, определяющих содержание репутации российской власти, явно не прослеживается (коэффициент корреляции Пирсона по каждому из них близок или равен нулю). При этом наблюдается большая схожесть в ответах в регионах с преобладающей (Чечня, Дагестан) или значимой (Татарстан) ролью ислама и православных регионах (ЦФО) при высокой уникальности приоритетов содержания репутации российской власти в Республике Коми. Отсутствие прямой зависимости содержания репутации российской власти от исследуемых факторов определяет перспективы дальнейшего исследования – многофакторный анализ процесса формирования репутации российской власти, всей совокупности факторов, определяющих особенности культурного пространства субъектов РФ, дальнейшая разработка методологии репутационного подхода к изучению репутации российской власти.

Библиография / References:

1. Барбашин М. Ю. Методологические возможности «Блумингтонской школы» и перспективы развития современного неоинституционализма // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2014. – Т. 17. – № 1. – С. 98–111. – URL: http://jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2014_1/Barbashin_2014_1.pdf.

2. Беляева Л. А. Консолидация российского общества в новых геополитических реалиях // Социологические исследования. – 2023. – № 3. – С. 150–153. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250024038-4>.
3. Верминенко Ю. В. Применение метода экспертного опроса в диагностике конструирования социальных проблем в дискурсе власти: на примере проблем наркотизации и алкоголизации в российском обществе // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2012. – № 1 (21). – С. 60–65.
4. Калмыков Н. Н., Краснопольский И. А. Реформирование системы государственной службы Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). – 2016. – № 2. – С. 44–61.
5. Панов П. В. Институционализм(ы): объяснительные модели и причинность // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 3. – С. 39–55. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.03.09>.
6. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. – 315 с.
7. Черкашин М. Д. Доверие населения к органам власти как фактор социальной консолидации общества // Коммуникология: электронный научный журнал. – 2019. – Т. 4. – № 3. – С. 74–82. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41635233>.
8. Чертков А. Н. Публичная власть: состав, единство и сущность взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 10. – С. 19–23. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-10-19-23>.
9. Bjørnå H. Reputational assets for local political leadership // Heliyon. – 2021. – Vol. 7. – Iss. 8: e07800. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e07800>.
10. Bustos E.O. Organizational Reputation in the Public Administration: A Systematic Literature Review // Public Administration Review. – 2021. – Vol. 81. – № 2. – P. 731–751. DOI: <https://doi.org/10.1111/puar.13363>.
11. Chmielewski P. New institutionalism: A platform for productive integration in social science // Warwas forum of economic sociology. – 2010. – Vol. 1. – № 1. – P. 9–88. – URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/New-Institutionalism%3A-a-Platform-for-Productive-in-Chmielewski/ca137e5e4e1c9ae8223acb60024ce29dd3a87d0f>.
12. Ehrenbrink P. Expert Survey – Triggers for State Reactance. In: The Role of Psychological Reactance in Human–Computer Interaction. T-Labs Series in Telecommunication Services. – Springer, Cham., 2021. – P. 45–49. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-30310-5_5.

13. Eisenegger M. Trust and reputation in the age of globalisation // Joachim Klewes, Robert Wreschniok (eds.). Reputation Capital. Building and Maintaining Trust in the 21st Century. – Springer-Verlag, Berlin-Heidelberg, 2009. – P. 11–22.

14. Gemenis K. An iterative expert survey approach for estimating parties' policy positions // Quality & Quantity: International Journal of Methodology. – 2015. – Vol. 49(6). – P. 2291–2306. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11135-014-0109-5>.

15. Peters G. Institutional Theory in Political Science: "The New Institutionalism". – L.; N.Y.: Continuum, 2005. – 183 p.

1. Barbashin, M.Yu. (2014) Metodologicheskie vozmozhnosti "Blumingtonskoj shkoly" i perspektivy razvitiya sovremennogo neoinstitucionalizma [The formation of the "Bloomington school": methodological opportunities and perspectives of contemporary new institutionalism development] // Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii [The journal of sociology and social anthropology]. – Vol. 17. – № 1. – P. 98–111. (in Russ.)

2. Belyaeva, L.A. (2023) Konsolidaciya rossijskogo obshchestva v novyx geopoliticheskix realiyax [Consolidation of Russian Society in New Geopolitical Realities] // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. – № 3. – P. 150–153. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250024038-4>. (in Russ.)

3. Verminenko, Yu.V. (2012) Primenenie metoda ekspertnogo oprosa v diagnostike konstruirovaniya social'nyh problem v diskurse vlasti: na primere problem narkotizacii i alkogolizacii v rossijskom obshchestve [Application of expert survey method in diagnosing the construction of social problems in the discourse of power: on the example of drug and alcohol problems in Russian society] // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye gumanitarnye issledovaniya [Vestnik of Orel State University. Series: New Humanitarian Studies]. – № 1(21). – P. 60–65. (In Russ.)

4. Kalmykov, N.N., Krasnopol'skij, I.A. (2016) Reformirovanie sistemy gosudarstvennoj sluzhby Rossijskoj Federacii [Reforming the Public Service System of the Russian Federation] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo) [Bulletin of Moscow University. Series 21: Management (State and Society)]. – № 2. – P. 44–61. (In Russ.)

5. Panov, P.V. (2015) Institucionalizm(y): ob"yasnitel'nye modeli i prichinnost' [Institutionalism: explanatory models and causality] // Polis. Politicheskie issledovaniya [Policy. Political studies]. – 2015. – №3. – P. 39–55. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.03.09>. (In Russ.)

6. Popova, Z.D., Sternin, I.A. (2007) Kognitivnaya lingvistika [Cognitive linguistics]. – M.: AST, East-West. – 315 p. (In Russ.)
7. Cherkashin, M.D. (2023) Doverie naseleniya k organam vlasti kak faktor social'noj konsolidacii obshhestva [The public government: the composition, unity and interaction essence] // Kommunikologiya: e`lektronny`j nauchny`j zhurnal [Communicology: the electronic scientific journal]. – Vol 8. – № 2. – P. 74–82. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41635233>. (In Russ.)
8. Chertkov, A.N. (2020) Publichnaya vlast` : sostav, edinstvo i sushhnost` vzaimodejstviya [The public government: the composition, unity and interaction essence] // Konstitucionnoe i municipal`noe pravo [Constitutional and municipal law]. – № 10. – P. 19– 23. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-10-19-23>. (In Russ.)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 02.09.2023.

Поступила после рецензирования (Revised) 12.10.2023.

Выход в свет 28.12.2023.